

Марию Дмитриевну Исаеву забросил в Семипалатинск неудачный брак, 1864 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

Вчерашний каторжник Достоевский почувствовал себя рыцарем, который должен спасти красавицу от дракона, — но он был унижен и нищ...

рукой на поманившую его мечту и пойти своим путем, горьким и безнадежным? Ему уже приходилось надеяться на счастье, а в итоге — лишь ощущение страшной, невосполнимой потери, старый портрет да хранящий в соседней комнате юноша. Пасынок вырос первостатейным оболтусом, грубияном и мотом, и это его вина: не сумел воспитать Пашу.. А как хорошо, как радостно все начиналось!

Двенадцать лет назад он, вчерашний каторжник, только что отбывший четырехлетний срок, приехал в захолустный Семипалатинск на крестьянских розальнях в опорках и дырявом тулупе. В

Семипалатинске его ждала солдатчина: политический преступник, приговоренный к расстрелу и помилованный на месте казни, должен был под строгим надзором начальства носить без срока серую шинель. Ничего радостного от этого крохотного, затерянного в степи городка он не ждал и уж тем более не рассчитывал встретить в нем любовь.

Марию Дмитриевну Исаеву забросил сюда неудачный брак. Ее муж, коллежский секретарь, «надзиратель по корчменской части», стремительно спивался, во хмелю вел себя безобразно, и Мария Дмитриевна стала парией среди семипалатинских дам. Увидев ее, солдат Седьмо-

го Сибирского линейного батальона почувствовал себя рыцарем, который должен спасти красавицу от дракона, — но он был унижен, нищ и мог лишь мечтать о прекрасной dame.

Муштра на плацу, долгие часы в карауле, а после отбоя, когда команда строем отправлялась в казарму, пользовавшийся покровительством батальонного командира рядовой отправлялся в гости в маленький, покосившийся дом Исаевых. Коллежский секретарь обычно возвращался за полночь мертвяки пьяным, и пока его не было, Достоевский рассказывал Марии Дмитриевне о Петербурге, о своем раннем литературном успехе — «Бедными людьми» занималась вся Россия, о безнадежной влюбленности в Авдотью Яковлевну Панаеву, хозяйку модного литературного салона. О том, за что его отправили на каторгу, он не рассказывал, а Мария Дмитриевна не спрашивала: характер у нее был чуткий, ей не хотелось причинять гостю лишнюю боль. Семипалатинской мечтательнице не было никакого дела до идей всерьез переполнившего Третье отделение кружка петрашевцев, а вот о том, действительно ли у Панаевой такие красивые глаза, как говорят, и почему ей нравится мучить тех, кто ее любит, она расспрашивала с большой охотой.

Мария Дмитриевна рассказывала о своей юности, о том, как она, дочка директора астраханской гимназии, по большой любви вышла замуж за красивого и бойкого молодого чиновника: отец был против, но его удалось уговорить...

А потом в гостиную вваливался ее беспардонно мычавший муж, и идиллия обрывалась: Достоевский откладывался и отправлялся к себе, в низенькую, прокопченную печным дымом каморку.

Сейчас в Петербурге странно было вспоминать то давнее ощущение: полная безнадежность и абсолютное счастье, от которого кружилась голова. Словно нет ни солдатчины, ни грязной

избы с тараканами, ни этого гнусного города — только он, она, звездное небо да их будущая встреча... Ему было довольно и этого, дальше он не заглядывал: то, что они могли бы быть вместе,казалось невозможным. Но невозможное случилось...

В Семипалатинск прибыл новый прокурор: барон Врангель был влюблён в

его семья впала в жестокую бедность — в конце концов он нашел должность в крохотном городишке Кузнецке и, к величайшему отчаянию Достоевского, отправился туда вместе с семьей. Вскоре Исаев умер, оставив жену и сына в безвыходном положении: дома не было ни копейки, и хоронить мужа Марии Дмитриевне пришлось в долг. Большого несча-

сное влияние, и из Санкт-Петербурга пришла бумага — Достоевский получил первый офицерский чин.

При первой возможности он, используя случайно подвернувшуюся служебную окazию, примчался в Кузнецк и узнал, что у него появился соперник. Марии Дмитриевне сделал предложение местный учитель Николай Вергунов, до-

Достоевский, умирая от тоски и горя, хлопотал, чтобы сопернику дали хорошее место — учительского жалованья не хватало и холостяку

литературу и стал лучшим другом ссыльного писателя. Он ввел Достоевского в дома местной знати, у Федора Михайловича появились защитники и доброжелатели: через два года его произвели в унтер-офицеры. Александр Иванович Исаев тем временем лишился места, и

стя нельзя и представить: Федор Михайлович не мог вырваться из Семипалатинска, тогда как Мария Дмитриевна пропадала за триста верст от него и жила чуть ли не подаянием. Но тут случилось то, чего он ждал и на что не смел надеяться: доброжелатели использовали все

брый, обаятельный сибиряк на пять лет ее моложе. Она металась между ними, не зная, кого предпочесть, а Достоевский, умирая от тоски и горя, хлопотал среди влиятельных знакомых, чтобы сопернику дали хорошее место: учительского жалованья не хватало и холостяку, как же

Дмитриевны было получено, а о том, любит ли она его, Достоевский не думал — конечно же любит, разве может быть иначе?! Тогда ему не приходило в голову, что на любовь походит и смешанная с нежностью жалость — чувство, без сомнения, прекрасное, но на нем не выстроишь семейную жизнь.

...Сзади раздались шаги, Достоевский обернулся. В комнату, не постучавшись, вошел заспанный, всклокоченный пасынок, облаченный в засаленный бархатный халат. Паша не слишком походил на мать, разве что глаза... Ему, как всегда, были нужны деньги, а просить он умел так, что отказать нельзя. Павел так и не получил образования, нигде не служил: похоже, он собирался всю жизнь просидеть на шее отчима. Достоевский не протестовал — Пашу он унаследовал от Марии Дмитриевны и в память о ней был готов сделать для него все. Их с женой связывала странная любовь: иной раз она оборачивалась состраданием, а порой — и ненавистью, но когда Маши не стало, он почувствовал, что мир опустел.

Все погубил приступ его проклятой болезни: падучая навалилась во время первой брачной ночи. Он пришел в себя на полу с до крови прокущенной губой и залитым слюной подбородком и увидел расширившиеся от ужаса глаза жены: Маша хлопотала над ним, вытирала ему лицо мокрым полотенцем. Они никогда об этом не упоминали вслух, но с тех пор в их отношениях что-то надломилось.

До поры в Семипалатинске, где приходилось считать каждую копейку, им жилось неплохо. У каждого в памяти остался свой кошмар: он помнил каторгу и солдатчину, Мария Дмитриевна — первое замужество, и их скучная, непростая,

Все погубил приступ его болезни: падучая навалилась во время первой брачной ночи. Федор очнулся на полу, с до крови прокущенной губой

кить на эти деньги втроем, с женой и ребенком? Впереди была новая поездка в Сузнецк, слезы решительно потерявшейся Марии Дмитриевны и объясне-

ние с Вергуновым. Молодой учитель понял, что выбрал нону не по себе: ему не удастся обеспечить любимую женщину и воспитать ее сына. Согласие Марии

но хоть как-то устроенная жизнь казалась раем. Ему дали отставку, и они перебрались в Тверь: въезд в обе столицы бывшему политическому преступнику

запретили. Но высокопоставленные друзья продолжали хлопоты, и вскоре семья обосновалась в Петербурге. Литературный бомонд с распостертыми объятиями принял отбывшего каторгу и солдатчину страдальца — а у него уже были готовы «Дядюшкин сон» и «Село Степанчи-

кий ум, рыцарски благородное сердце, необыкновенная впечатительность и бешеный характер. Маша умела любить, умела и ненавидеть, на полдороге не останавливалась никогда. Петербург не пришелся ей по вкусу, но до поры она скрепя сердце играла роль жены

димир и в Москву... Возвращение из Сибири, новый литературный успех и болезнь жены — все случилось в один год. А потом его настигла внезапная, как лихорадка, тяжелая, словно дурной сон, не отпустившая до сих пор любовная история.

Достоевский — вдовец и без пяти минут несостоятельный должник. У него на двадцать пять тысяч векселей, и долги эти — покойного брата!

ково». Жизнь закипела, столичное студенчество носило его на руках, в доме частыми гостями были самые блестящие петербургские литераторы и критики. Однако Маша не сумела войти в этот мир, новая среда ее тяготила...

Она была истинной королевой: высокая, с живым нежным лицом и огромными выразительными глазами. Ост-

видного литератора и хозяйки дома. А потом врачи нашли у нее чахотку и посоветовали немедленно сменить климат. Остаться в Петербурге она не могла, а Федор не мог оттуда уехать: литературная жизнь империи замыкалась на столице. И они начали жить на два дома, изредка, урывками встречаясь — он приезжал к жене в Тверь, потом под Влади-

мир и в Москву... Возвращение из Сибири, новый литературный успех и болезнь жены — все случилось в один год. А потом его настигла внезапная, как лихорадка, тяжелая, словно дурной сон, не отпустившая до сих пор любовная история.

Аполлинария изводила влюбленного, не знаяшего, чем у служить ей, Федора с мастерством опытной садистки: в этой женщине сидели сто чертей

бя еще ничего не решил. Думая о будущем, он гадал: на добром ли ему жениться, или все же на красивой — на той, кто так долго его терзала?

Впрочем, красавая не собиралась выходить за него замуж, и выбор, в сущности, был невелик. Но может, еще не все потеряно, а вдруг ее любовь не умерла? И Достоевский садился за бюро, брал в руки остро отточенное перо и писал в Париж — туда, где жила его легкомыслен-

ная и жестокая возлюбленная. Он знал, что эта страшная женщина рождена на горе себе и другим, что она не стоит мизинца его покойной жены, каблука его невесты, но ничего не мог с собой сделать. Любовь начисто убивает способность здраво рассуждать, а он был влюблен — до сих пор, несмотря на то что она с ним сделала.

...Все началось через два года после того, как Маша уехала из Петербурга.

Болезнь прогрессировала, и доктора не оставляли надежды. Жена страшно исхудала, ее прелестное лицо поблекло, на щеках появился нездоровы румянец. Но самое страшное заключалось в том, что у нее слегка помутился рассудок: он сам видел, как жена, открыв в доме все двери и окна, выгоняла привидевшихся ей чертей. Она всегда была вспыльчива, а в эти годы ее нрав стал просто невыносим. Во время ссор Маша кричала, что

лее тяжким домашнего ада нарастало, и бежать из него было некуда — разве что в Петербург, к своим писательским делам. Там-то на одном из литературных вечеров его и познакомили с хорошенькой, благоговеющей перед знаменитым писателем девицей. Аполлинария Суслова была дочкой сделавшего головокружительную карьеру крепостного: Суслов-старший управлял громадными вотчинами графа Шереметева. Аполлинария училась в университете, пытаясь писать и искала приключений: его любовницей она стала через несколько дней после начала знакомства. Ему казалось, что двадцатилетняя красавица прилепилась к нему душой и телом и они будут вместе всегда — такой искренней и страстной подруги у него еще не было. Аполлинария уговаривала его бросить жену и не желала слушать о том, что порядочный человек не сделает больно безнадежно больной женщине. Был найден компромисс: они отправляются в путешествие по Европе. Суслова поехала первой; затем, подзаняв денег, отправился следом Достоевский. В Париже она встретила его словами: «Ты немножко опоздал» — у нее начался роман с испанским студентом. Потерянный и разбитый, он сидел в номере, не зная, что делать: возвращаться в Россию глупо, оставаться во Франции не хотелось. Вскоре испанец бросил свою русскую подругу, и Аполлинария всерьез напугала его, явившись в гостиницу в слезах и с большим ножом в сумочке. Она колебалась между двумя решениями: то ли покончить с собой, то ли зарезать обидчика.

всегда любила не его, а юного Вергунова: «Он был со мной перед нашей брачной ночью! Когда мы покинули Сибирь, его бричка ехала следом за нами, и на постоянных дворах я оставляла ему записки! Ты должен знать, что он тоже приехал в Тверь, и все эти годы мы оставались любовниками! У меня были и другие!»

Он знал, что это бред несчастной, измученной болезнью женщины: Николай Вергунов мирно учительствовал в Барнауле и никогда не выезжал в европейскую Россию. Достоевский успокаивал жену, и она, вдоволь покричав и наплакавшись, засыпала. Чтобы помочь ей, он с легкостью дал бы отрезать руку, но ощущение становившегося все бо-

достоевский как мог успокоил ее, и они все же отправились в дорогу; ничего унизительнее и тягостнее в его жизни не было. Он обещал, что они будут путешествовать «как брат и сестра», и Аполлинария в полной мере воспользовалась его оплошностью. Она изводила влюбленного, не знаяшего, чем услужить ей, человека с мастерством опытной садистки, словно вымешая на Достоевском злобу за обиду, причиненную ей испанцем. Суслова распаляла и отталкивала, была рядом, но в последний момент ускользала — в этой женщине сидели сто чертей, да и сама она была сущей дьяволицей. Он понимал, что ему надо бежать, но не мог на это решиться — слишком крепкими оказались крюч-

ки. Друзья перешептывались: Мария Дмитриевна не жилец, но такая жизнь вгонит в гроб и Федора Михайловича, смотреть на него страшно. Он выдержал, хотя и не мог себе простить, что не был с Машей в ее последнее мгновение: она спросила прислугу, покормили ли мужа и доволен ли он ужином, — и через минуту ее не стало.

С тех пор прошло два года, а боль не отпускала, даже становилась сильнее: они с Аполлинарией жили врозь, частоссорились, но человека ближе и роднее у него не было. Так не честнее ли дожить свой век одному, погрузившись в дорогие сердцу воспоминания? Имеет ли он право играть чужой судьбой? Достоевский понимал: любви к этой милой, заботливой девочке у него нет, и медлил, боясь совершив опрометчивый поступок. Боялись все: он, мать невесты, его родня и пасынок, давно привыкшие к тому, что Достоевский живет только для них. Не трусила только юная Анна Сниткина — она знала, что хочет за этого человека замуж, и ждала, когда он наконец произнесет главные в ее жизни слова.

И он их сказал, превратив предложение в аллегорию, в рассказ о многое испытавшем немолодом художнике, встретившем прекрасную девушку. В нем крепло убеждение, что с нею он может найти счастье, но мечта представлялась ему почти невозможной:

— Что мог он, старый больной человек, обремененный долгами, дать моло-

Друзья перешептывались: Мария Дмитриевна не жилец, но такая жизнь вгонит в гроб и Федора Михайловича! Смотреть на него страшно...

ки, на которые эта женщина его поймала. Достоевский просил любви, как нищий — милостыню, и не получал ничего: это продолжалось и в Баден-Бадене, и в Турине, и в Риме. Бедный влюбленный был готов отдать своей мучительнице все, но у него ничего не было, да он и сам уже не был ей нужен: Аполлинарии нравилось его терзать, и она старалась продлить удовольствие. В конце концов он оставил ее и помчался в Москву, к жене. Маша была совсем плоха, и его замучила совесть.

В Москве ему рассказали, что жена каким-то образом узнала о его увлечении: свет не без «добрых людей», а у известных писателей много завистников. Известие о Сусловой ее потрясло. Домашние рассказывали, что, впав в полу забытье, Маша грозила кулаком портрету мужа и браница его «бесчестным каторжником».

В Москве у ее постели он провел около года — и Маша наконец успокоилась. Он баловал жену, покупал ее любимую мелочь: сумочки, браслетики, кошелеч-

кой, жизнерадостной девушке? Не была ли любовь к художнику страшной жертвой с ее стороны?

Анна Сниткина ответила, что любит его и будет любить всю жизнь; на следующий день начались хлопоты со свадьбой и приданым. Невеста хотела принести в дом мужа массу милых ее сердцу и довольно дорогих вещей: столовое серебро, мебель, фарфор... Об их свадьбе говорил весь Петербург — Анна была так миниатюрна и юна, что со стороны казалась дочкой седеющего и сутуловатого